

ЦАРСТВО БОЖІЕ И ЦАРСТВО КЕСАРЯ *).

1.

«Отдавайте кесарево кесарю, а Божье Богу». Эта вѣчная евангельская истина должна быть понята динамически, а не статически. Различеніе и разграниченіе двухъ царствъ остается вѣчнымъ, но отношенія между двумя царствами въ исторіи христіанства не остаются неизмѣнными, они мѣняются въ разные возрасты христіанства. Христіанство не знаетъ застывшей формулы, которая навсегда опредѣлила бы христіанское устроеніе царства кесаря. Одно лишь пребываетъ неизблемымъ. Христіанство не отрицаетъ механически и революціонно царства кесаря, оно признаетъ его, какъ особую сферу бытія, отличную отъ царства Божьяго, но для цѣлей Царства Божьяго нужную. Церковь Христова имѣетъ свою собственную основу, независимую отъ стихій этого міра, она живетъ по своему собственному закону духовнаго бытія. Но Церковь Христова въ моментъ своего возникновенія была окружена стихіями міра сего и принуждена была жить въ языческомъ государствѣ, жестоко христіанъ преслѣдовавшемъ. «Царство кесаря» не означаетъ непременно монархіи, оно есть обозначеніе царства этого міра, порядка грѣховной природы. Демократическая или социалистическая республика въ такой же степени есть царство кесаря, какъ и монархія. И вопросъ объ отношеніи Царства Божьяго къ царству кесаря есть одинаково вопросъ объ отношеніи и къ монархической государственности и къ революціи. Это есть вопросъ объ отношеніи Царства Божьяго къ «міру». Тему эту слѣдуетъ обсуждать въ атмосферѣ отрѣшенности и освобожденности отъ страстей и интересовъ. Въ наши дни какъ будто-бы окончательно погибло безкорыстно-аристократическое отношеніе къ истинѣ. Духовное плебейство, своекорыстіе и утилитаризмъ искажаютъ не только рѣшеніе, но и самую постановку темъ. И въ особенно нездоровой атмосферѣ происходитъ обсужденіе принципиальнаго отношенія христіанства къ монархіи и революціи, къ старому «міру сему» и новому «міру

*) Въ тему мою не входитъ обсужденіе проблемы отношенія христіанства къ социальному вопросу.

сему». Но къ темъ этой нельзя прикасаться тому, кто одержимъ политическими страстями и интересами, кто находится въ состояніи злобы и ненависти. Въ темъ этой есть много проблематическаго, она не получила еще обязательнаго церковно-догматическаго рѣшенія. Менѣе всего допустимо для христіанина внѣшнее отношеніе къ важнымъ и катастрофическимъ событіямъ жизни. Когда человѣкъ переживаетъ какое-нибудь несчастье, тяжелую болѣзнь, нужду, смерть близкаго существа, то религіозное отношеніе къ этимъ событіямъ исключаетъ возможность видѣть въ нихъ внѣшнія случайности, несправедливость судьбы, механическіе удары извнѣ, Въ жизни нѣтъ ничего случайнаго и совершенно внѣшняго. Все имѣетъ смыслъ, все что-то значить, т. е. является знакомъ изъ иного міра. Религіозно пережить какое-либо событіе значитъ пережить его внутренній смыслъ, понять его изнутри, изъ глубины духовнаго опыта, пережить его какъ свою судьбу, какъ ниспосланное Промысломъ Божиимъ. Если такъ нужно переживать событія личной жизни, то тѣмъ болѣе нужно такъ переживать событія жизни исторической. Съ Россіей произошла страшная историческая катастрофа. И весь міръ находится въ небываломъ кризисѣ. Мы живемъ среди обломковъ обществъ и государствъ новой исторіи. Все пришло въ состояніе неустойчивости и хаотическихъ движеній. Общественный порядокъ, который казался не только крѣпкимъ, но и вѣчнымъ, нарушенъ и разрушенъ. Радикально мѣняются отношенія церкви и государства и совершенно по новому опредѣляются взаимоотношенія Царства Божьяго и царства кесаря. Новое царство кесаря предстаетъ передъ вѣчной Церковью Христовой. И всѣ старыя категоріи въ рѣшеніи этой темы оказываются негодными и устарѣвшими. Безумны, жалки и безпомощны передъ лицомъ мірового кризиса тѣ реставраціонныя, реакціонныя мысли, которыя надѣются на возстановленіе старыхъ отношеній между церковью и царствомъ кесаря, вождельютъ того царства кесаря, въ которомъ Церковь Христова была подавлена и порабощена. Сознаніе, которое видитъ въ революціи, въ русскомъ и міровомъ кризисѣ лишь внѣшній скандалъ и внѣшнее безчинство, которое продолжаетъ думать, что ничего особеннаго не произошло, не есть христіанское, не есть религіозное сознаніе, это есть сознаніе, подавленное обывательскимъ позитивизмомъ.

Христіанство не можетъ внѣшне относиться къ историческимъ кризисамъ, переломамъ и переломамъ, не можетъ разсматривать ихъ, какъ движеніе мертвой матеріи, никакого отношенія не имѣющее къ жизни духа, къ движенію духа. Христіанство имѣетъ универсальную природу, оно объемлетъ все, все происходящее въ мірѣ съ нимъ связано и ему подчинено. Революція, историческій кризисъ должны что-то означать во внутренней судьбѣ христіанства. Всѣ внѣшнія историческія событія имѣютъ вторичную, а не первичную природу, они опредѣляются событіями совершающимися во внутреннемъ духовномъ мірѣ. Для внѣшняго, религіозно непросвѣтленнаго взора кажется, что революція происходитъ въ стихіяхъ міра, а

Церковь Христова лишь пассивно претерпѣваетъ событія извнѣ идущія и ударяющія по ней. Это есть абберация нерелигіознаго сознанія. Предполагается, что Церковь совершенно пассивна въ русской революціи, что въ ней ничего не происходитъ, что христіанство играетъ лишь страдательную роль. Въ дѣйствительности же происходитъ кризисъ и революція въ мірѣ духовномъ и въ мірѣ историческомъ лишь символически отражается. Революція не есть событіе внѣшнее для каждаго изъ насъ и для всего христіанскаго міра, а есть внутреннее духовное событіе, духовная болѣзнь въ христіанскомъ человѣчествѣ, въ христіанскомъ народѣ. Церковь есть живой организмъ, организмъ богочеловѣческой, въ которомъ происходитъ непрерывное взаимодействіе Божества и человѣчества. Какъ и всякій организмъ, Церковь можетъ переживать кризисъ, можетъ болѣть, можетъ возрождаться и развиваться. Болѣть и переживаетъ кризисъ въ Церкви не Богъ, не божественная истина Церкви, а человѣчество. Мы перестали понимать церковный смыслъ историческихъ событій, потому что утратили интегральную, космическую идею Церкви. Раціоналистическое и номиналистическое сознаніе превратило Церковь въ учрежденіе, существующее дифференціально на ряду со всѣмъ остальнымъ. Христіанство, какъ и все органическое, въ высшей степени динамично, оно имѣетъ свои возрасты и эпохи, свою историческую судьбу. Перво-христіанство означало совсѣмъ иную эпоху въ христіанствѣ, чѣмъ христіанство со временъ Константина Великаго. Христіанство періода мученичества очень отличается отъ Христіанства періода вселенскихъ соборовъ. Христіанство средневѣковое есть совсѣмъ иная эпоха въ христіанствѣ, чѣмъ христіанство новаго времени. Самый стиль христіанства очень мѣняется, онъ относится не къ онтологіи христіанства, а къ его психологіи и его исторіи. Вотъ и нынѣ христіанство вступаетъ въ критическій періодъ, переживаетъ болѣзнь возраста. Кончается не только христіанство новой исторіи, но быть можетъ и весь историческій періодъ христіанства со временъ Константина Великаго. И этотъ внутренній кризисъ христіанства опредѣляетъ всѣ внѣшнія историческія катастрофы. По новому опредѣляются отношенія между Церковью и стихіями міра сего. И радикально мѣняется отношеніе царства кесаря, въ которомъ происходятъ бурные процессы, къ вѣчнымъ цѣлямъ Царства Божьяго. Эти отношенія опредѣляются въ духовномъ мірѣ, и въ мірѣ историческомъ они лишь проэцируются и отражаются. Выздоровленіе отъ болѣзни, преодоленіе духовнаго кризиса будетъ означать новый періодъ въ христіанствѣ, возникновеніе новаго стиля въ христіанствѣ, въ христіанской душѣ и христіанской исторической плоти, радикальное измѣненіе христіанскаго быта, который никогда не долженъ быть отождествляемъ съ бытіемъ. Но значить ли это, что христіанство можетъ связать себя съ революціей, какъ раньше связывало себя съ монархіей, значить ли это, что образуется царство кесаря, которое христіанство можетъ признать своимъ? Великій соблазнъ и заключается въ отождествленіи христіанства съ какимъ бы то ни было царствомъ кесаря, т. е. въ порабоженіи безконечнаго конечному.

Христiанство не революцiонно во внiшнемъ смыслi слова. Оно вступало въ мiръ не какъ революцiонная социальная сила, призывающая къ насильственному измiненiю строя жизни. Христiанство нельзя назвать даже и социальнo реформаторской силой. Природа христiанства совсiмъ невыразима въ социальнoхъ категорiяхъ мiра сего. Христiанство вошло въ мiръ, какъ благая вiсть о спасенiи и о Царствi Божiемъ, которое не отъ мiра сего. «Ищите жъ прежде всего Царства Божьяго и правды Его, и это все приложится вамъ». «Будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный». «Какая польза челоуку, если онъ прiобрiтетъ весь мiръ, а душу свою повредитъ». «Не придетъ Царство Божiе примiтнымъ образомъ, и не скажутъ: вотъ, оно здiсь, или: вотъ, тамъ. Ибо Царство Божiе внутрь васъ есть». «Царство Мое не отъ мiра сего». Социальная революцiя во всемъ противоположна словамъ Христа. Социальная революцiя ищетъ прежде всего того, что приложится, а не Царства Божьяго; дiятели социальной революцiи не ищутъ совершенства, подобнаго совершенству Отца Небеснаго; они хотятъ прiобрiсти весь мiръ и этимъ вредятъ своей душi; социальная революцiя ищетъ строя жизни, который приходитъ примiтнымъ образомъ, о которомъ можно сказать, что онъ вотъ, здiсь или вотъ, тамъ; царство, къ которому стремится социальная революцiя, отъ мiра сего. Тоже самое нужно сказать и о духi обратномъ революцiи, объ империализмi. Империализмъ имiетъ природу языческую. Христiанство было величайшимъ духовнымъ переворотомъ въ исторiи челоучества, самой большой внутренней революцiей, пережитой челоучествомъ. Съ явленiемъ Христа начинается не только новая историческая эпоха, но и новая космическая эпоха, измiнился внутреннiй составъ мiра. И вмiстi съ тiмъ христiанство не вiритъ, что можно измiнить мiръ къ лучшему внiшнимъ и насильственнымъ путемъ, осуждаетъ внiшнiя революцiи, какъ основанныя на ложной духовной настроенности. Въ основi всiхъ внiшнихъ революцiй лежитъ духовная настроенность прямо противоположная христiанской. Ими движетъ зависть, злоба, ненависть, месть, а не любовь, инстинктъ разрушенiя, а не творчество, и они несутъ съ собой смерть, а не воскресенiе. Подлинно новая, болiе совершенная и лучшая жизнь приходитъ изнутри, а не извнi, отъ духовнаго перерожденiя, а не отъ измiненiя социальнoхъ условiй, социальной среды. Уничтоженiе рабства въ мiрi было духовнымъ дiломъ христiанства. Мiръ дохристiанскiй, даже въ величайшихъ своихъ мыслителяхъ не могъ подняться до преодоленiя рабства. Но христiанство никогда не призывало рабовъ бунтовать противъ своихъ господъ. Лишь непримiтно обнаруживаются въ исторiи плоды христiанской идеи братства людей. Христiанство нисколько не отрицаетъ процессовъ, совершающихся въ природномъ мiрi, естественнаго развитiя въ мiрi. Но не на эти процессы возлагаетъ оно достиженiе Царства Божьяго, высшаго совершенства жиз-

ни. Къ революціи христіанство относится также, какъ и ко всякому внѣшнему событію жизни, всякому внѣшнему строю жизни, т. е. не революціонно. Всякое внѣшнее событіе жизни, всякій внѣшній строй жизни не случайны и что-то значатъ для внутренней жизни человѣка, для его духовнаго опыта. Ничего нельзя разсматривать исключительно какъ внѣшнее насиліе, ничѣмъ не связанное съ моей внутренней судьбой. И на устойчивый строй государства, на монархіи, и на революціи христіанство одинаково смотритъ изнутри, изъ глубины. Царство Божіе приходитъ непримѣтно, оно приходитъ не черезъ монархіи и не черезъ революціи. Но и внѣшній устойчивый строй жизни и внѣшніе перевороты жизни всегда обозначаютъ событія внутренняго духовнаго міра, они не находятся внѣ моей собственной судьбы, какъ порожденіе низшаго матеріальнаго міра. Христіанство не дуалистично или точнѣе: христіанство признаетъ дуализмъ религіозно-этической, но совершенно не признаетъ дуализма онтологическаго.

Христіанство не отрицаетъ государства и власти. Устами апостола Павла Христіанская Церковь признала, что власть происходитъ отъ Бога и что начальствующій носить мечъ не напрасно. Власть имѣетъ онтологическій источникъ, она имѣетъ положительную миссію въ грѣховномъ мірѣ, она предотвращаетъ хаотическій распадъ міра, не допускаетъ окончательнаго торжества въ немъ анархіи. Онтологическое начало власти въ обществѣ играетъ ту же роль, какую законмѣрность играетъ въ природѣ, — оно поддерживаетъ космическій порядокъ въ грѣховномъ хаосѣ. Слова апостола Павла сказаны не о христіанской власти. Христіанскаго государства въ то время не было. Государство было языческимъ и гнало христіанъ. Слова эти сказаны о всякой власти, о началѣ власти вообще, они относятся и къ языческой власти, и къ современной демократической республикѣ, и даже къ совѣтской коммунистической власти, черезъ которую, несмотря на ея антихристовъ характеръ, частично дѣйствуетъ вѣчное онтологическое начало власти. Человѣческое общество должно быть поддерживаемо въ состояніи, не допускающемъ окончательнаго хаотическаго и анархическаго распада. Такъ и законы природы, которые давятъ насъ, какъ неотвратимая необходимость, поддерживаютъ элементарный космическій порядокъ въ мірѣ, черезъ нихъ въ грѣховной стихіи міра отражается вѣчный божественный космосъ. Такова правда власти, правда государства. Это есть правда закона, ветхозавѣтная, а не новозавѣтная правда. Государство имѣетъ дохристіанскую, ветхозавѣтную, языческую природу. Власть государственная перешла по наслѣдству въ христіанскій міръ изъ міра языческаго. Императорская власть, которая въ Византіи приобрѣла христіанскій и священный характеръ, есть старая языческая власть Рима и великихъ восточныхъ имперій, — Египта, Персіи, Ассиріи и Вавилона. Императорская и царская власть не имѣетъ никакого самостоятельнаго христіанскаго, новозавѣтнаго происхожденія, она получена по наслѣдству отъ древняго міра, и лишь принята и освящена христіанствомъ, потому что христіанство не анар.

хично и признаетъ миссію власти въ грѣховномъ челоѣчествѣ. Такое отношеніе къ власти и государству не означаетъ еще въ христіанствѣ самобытнаго, чисто христіанскаго идеала общества, идеала христіанскаго государства, котораго въ первоисточникахъ христіанства не существовало. А. С. Хомяковъ говоритъ: «Императорство было, очевидно, неспособно обнять все приложеніе древне-римской идеи правомѣрнаго государства къ новой христіанской эпохѣ: оно не содержало въ себѣ начала самоосвященія, котораго требовала мысль христіанская; ибо Западъ не понялъ еще невозможности совмѣщенія понятій христіанства и понятій государства, т. е. воплощенія христіанства въ государственную форму». *) Но то, что Хомяковъ относитъ къ Западу, должно быть отнесено и къ Востоку. Послѣ того какъ была пролита первая капля крови христіанскихъ мучениковъ, навѣки были ограничены абсолютность и самодержавіе государства и осужденъ имперіализмъ.

Первохристіанство было эсхатологически настроено. Оно ждало скорого конца міра и второго пришествія Христа. Передъ нимъ не раскрывались перспективы длительного историческаго процесса, въ которомъ Церкви Христовой предстоитъ быть дѣйствующей силой. Первохристіане не бунтовали противъ языческой власти, не призывали къ соціальному перевороту, но они цѣликомъ были устремлены къ концу, ко второму пришествію, имъ совсѣмъ не нужно было собственное, христіанское государство. Въ первохристіанскомъ сознаніи теократія совершенно совпадала съ евангельскимъ Царствомъ Божьимъ. Первохристіане соглашались воздавать кесарю кесарево, но государство было для нихъ «міромъ», царствомъ міра сего. Царство кесаря, царство міра сего не можетъ быть христіанскимъ, священнымъ царствомъ. Если подъ христіанской теократіей понимать священное, христіанское царство кесаря, то теократическая идея была совершенно чужда первохристіанству. Оно жило исключительно идеей Царства Божьяго, которое существенно, принципиально отличается отъ царства кесаря. Первохристіане не стремились и по состоянію своего сознанія не могли стремиться къ созданію христіанскаго государства. Государство есть «міръ», язычество. **) Христіанская Церковь противостоитъ «міру», язычеству, языческому государству. Первохристіане жили исключительными харизмами, духовными дарами, которыми опредѣлялся весь строй ихъ жизни, вся организація христіанской Церкви и христіанскаго общества. Такъ нельзя было жить долгой исторической жизнью. И когда въ сознаніи христіанскомъ раскрылось, что предстоитъ еще долгій историческій путь, все начало мѣняться. Харизматическіе дары ослабѣли, Царство Божье отодвинулось въ трансцендентную даль, въ далекій конецъ исторіи. Христіанству пришлось жить и дѣйствовать въ исторіи. Христіанство не мо-

*) См. «Соч. Хомякова», т. VII, стр. 424.

**) Много интереснаго по этому вопросу можно найти у Е. Troeltsch'a «Die Soziallehren der Christlichen Kirchen und Gruppen» 1919. см. I Kapit. «Die Grundlagen in der alten Kirche».

жетъ походить на еврейскую апокалиптическую секту. Оно сознало себя всемірно-исторической силой. Неправда монтанизма заключалась въ томъ, что монтанизмъ хотѣлъ удержаться на стадіи первохристіанства, хотѣлъ жить непосредственными харизмами, когда они начали изсякать, противился всемірно-исторической роли христіанства. И на этомъ же построены всѣ религіозно-сектанскія движенія, которыя обычно имѣли реакціонную природу. Первые вѣка христіанство жило во враждебныхъ языческихъ стихіяхъ міра сего. Оно дѣйствовало въ нихъ не какъ внѣшне разрушающая сила, а какъ сила внутренне преображающая. Христіанская Церковь обладаетъ способностью жить окруженной какой угодно враждебной стихіей. Въ катакомбахъ она обладала наибольшей внутренней силой и изъ катакомбъ Церковь покорила міръ. Но христіанству суждено было вступить въ новый историческій періодъ, во второй періодъ отношеній между церковью и государствомъ, между Царствомъ Божиимъ и царствомъ кесаря. Этотъ періодъ начался съ Константина Великаго.

Произошло то, чего не ожидали первохристіане. Языческое государство склонилось передъ духовной силой христіанства. Императорская власть дѣлается христіанской. Это есть огромный переворотъ не только въ «мірѣ», въ государствѣ, но и въ христіанствѣ, въ Церкви. Христіанство перестаетъ быть эсхатологическимъ, христіане не ждутъ ужъ скорого конца міра и пришествія Христова. Христіанство становится историческимъ, оно перестраиваетъ себя, подготавливаетъ къ активной роли во всемірной исторіи. Христіанство входитъ въ «міръ», въ исторію, приспособляя себя къ дѣятельности въ «мірѣ», къ завоеваніямъ въ исторіи. Эта побѣда куплена была дорогой цѣной. Первохристіанство съ его харизматичностью и эсхатологичностью остается въ исторіи христіанства позади, какъ утерянный рай. Христіанству пришлось замарать себя въ пыли и грязи земной исторіи. Оно низошло въ низины жизни «міра», выработало себѣ новые органы для такой жизни. Оно многое потеряло, но многое приобрѣло. Мы не можемъ, подобно рационалистическимъ и протестантскимъ историкамъ, смотрѣть на этотъ новый періодъ христіанства, какъ на паденіе христіанства, какъ на великое несчастье въ исторіи христіанства. Это взглядъ совсѣмъ не православный. Періодъ первохристіанства долженъ былъ кончиться. Царство Божье не могло наступить въ результатѣ его краткой исторіи. Дѣло Константина Великаго было провидеціальнымъ дѣломъ и оно имѣло положительный смыслъ въ исторіи христіанства и исторіи міра. Возникновеніе «христіанскаго государства», созданіе христіанскихъ теократій не было несчастной случайностью въ исторіи христіанства и міра, оно было внутренне неизбѣжнымъ моментомъ въ судьбѣ христіанства. Но такъ же неприемлемъ взглядъ, который долгое время господствовалъ въ церковномъ сознаніи, что царство кесаря стало подлинно священнымъ, христіанскимъ царствомъ, что теократическое государство было создано и должно господствовать до конца временъ. Второй періодъ въ отношеніяхъ

между Церковью и государствомъ, между Царствомъ Божиимъ и царствомъ кесаря не есть окончательный и вѣчный періодъ. Въ исторіи христіанства долженъ наступить и наступилъ уже третій періодъ. И наступленіе третьяго періода также не есть несчастная случайность, какъ и наступленіе второго періода. Церковное сознание не знаетъ догмата о священномъ царствѣ кесаря и не знаетъ таинства священной царской власти. Царство Божье и царство кесаря смѣшались и переплелись въ исторіи. И Царство Божье получило черты сходства съ царствомъ кесаря, подобно тому какъ царство кесаря усвоило себѣ черты Царства Божьяго.

Со времени Константина Великаго Церковь освящаетъ власть не такъ, какъ оправдывала она власть языческую, она освящаетъ ее какъ власть христіанскую. Міръ становится христіанскимъ міромъ, народы становятся христіанскими народами, образуется универсумъ, который получаетъ наименование *chrétienté*. Христіанскіе народы жили единой вѣрой и единой истиной. Этому единству въ вѣрѣ и истинѣ соотвѣтствовало и единство, цѣльность въ строѣ государства и общества, въ характерѣ культуры. Монархіи наиболѣе адекватно выражаютъ эту цѣльность и это единство. И онѣ священны до тѣхъ поръ, пока народы вѣрятъ въ ихъ священность. Складъ государства и общества цѣликомъ опредѣляется религіозными вѣрованіями народа. Формы государственной власти падаютъ, когда падаютъ вѣрованія народа, когда нѣтъ уже санкціи власти въ религіозномъ сознаніи народа. Въ этомъ смыслѣ народный суверенитетъ остается вѣчной истиной, онъ существовалъ и въ древнемъ Египтѣ. Никакая государственная власть не могла существовать голымъ насиліемъ. Она всегда держалась вѣрой народа въ священность этой власти. Когда въ священное значеніе монархіи перестаютъ вѣрить, она превращается въ тиранию и начинаетъ разлагаться. Цѣльность и единство не могутъ быть принудительными. Внѣшній строй жизни, историческая плоть государства лишь символизируетъ внутреннюю духовную жизнь народовъ. И когда во внутренней духовной жизни народовъ происходятъ существенныя измѣненія, тогда старая символика падаетъ и нужна новая символика. Царство кесаря всегда есть сфера условной и относительной символики, а не безусловныхъ и неизмѣнныхъ реальностей. Тотъ роковой процессъ новой исторіи, который именуется секуляризацией, есть лишь правдивое внѣшнее выраженіе того, что произошло во внутренней жизни христіанскаго человѣчества. Секуляризация называется все своими именами. Если государство, право, хозяйство, наука, искусство, мораль, весь бытъ не христіанскіе въ глубочайшемъ, наиреальнѣйшемъ смыслѣ этого слова, то ихъ и не слѣдуетъ называть христіанскими. Не должно называть царство кесаря священнымъ, христіанскимъ царствомъ, теократіей, если въ дѣйствительности оно мірское, языческое, внѣхристіанское и антихристіанское по своей природѣ. Христіане не могутъ стремиться къ секуляризации, христіане должны стремиться всѣмъ существомъ своимъ къ тому, чтобы все стало христіан-

скимъ, священнымъ, стремиться къ преображенію и просвѣтленію всей жизни, но они могутъ признавать правдивость секуляризаціи, они не могутъ желать условной лжи, насильственного признанія христіанскимъ того, что не христіанское. Трагедія второго, константиновскаго періода исторіи христіанства въ томъ, что онъ неизбежно кончается секуляризаціей, какъ требованіемъ правдивости и свободы, какъ выраженіемъ неудачи всѣхъ теократій.

III

Насильственно нельзя осуществить Царства Божьяго. Не только человекъ, но Богъ можетъ сказать, что насильно миль не будешь. Свобода человека входитъ въ замысль Божью о Царствѣ Божіемъ. Въ историческихъ христіанскихъ теократіяхъ, восточныхъ и западныхъ, императорскихъ и папскихъ, не было еще въ достаточной степени выражено согласіе свободы человека на осуществленіе Царства Божьяго, т. е. не было достигнуто реальное преображеніе жизни. Теократіи носили условный и символическій характеръ. Въ исторической плоти, въ царствѣ кесаря даются знаки, символы, печати Царства Божьяго, но само Царство Божіе не достигается, реальное просвѣтленіе и преображеніе не происходитъ. Церковь лишь символически освящаетъ царскую власть, кладетъ христіанскую печать на государство и на весь бытъ человеческій въ этомъ мірѣ. Священное царство кесаря, христіанское государство оставалось природнымъ, натуральнымъ царствомъ міра сего, не просвѣтленнымъ и не преображеннымъ, не побѣдившимъ грѣха, вѣтхозавѣтно-языческимъ, но какъ бы окропленнымъ святой водой, въ идеѣ подчиненнымъ религіозной цѣли, полнымъ знакомъ иного міра, символическихъ прообразовъ Царства Божьяго. Историческія теократіи разложились и погибли потому, что они не были реальными теократіями, что въ нихъ не преображалась жизнь, не осуществлялось подлинно Царство Божье. Наступило время, когда воля къ реализму побѣдила условную символику теократій. Въ послѣконстантиновскій періодъ въ распавшемся на двѣ половины христіанскомъ мірѣ вырабатывается два типа теократіи, — восточная, императорская, и западная, папская. Это — двѣ формы соединенія Царства Божьяго съ царствомъ кесаря, двѣ формы ознаменованія Царства Божьяго въ царствѣ кесаря. Царство кесаря становится священнымъ, теократическимъ царствомъ или черезъ признаніе императорской, царской власти делегированной Богомъ, помазанной Церковью на царство, осуществляющей священное, церковное служеніе, или черезъ признаніе папы, римскаго первосвященника, обладающимъ священной царской, императорской властью въ мірѣ и источникомъ всякой власти на землѣ. Исключительное государственное значеніе папы на Западѣ и исключительное церковное значеніе императора на Востокѣ опредѣлялись особенностями историческаго пути Запада и

Востока.*) Но одна и та же идея римскаго принудительнаго универсализма, языческаго имперіализма лежала въ основаніи западной и восточной теократіи. Въ Византіи теократія впитала въ себя традиціи не только римскаго имперіализма, но и имперіализма восточнаго. По идеѣ своей теократія всегда универсальна, національная теократія есть внутреннее противорѣчіе. Императоръ, обладающій священной властью, такъ же единъ, какъ и папа. Средневѣковье сознавало это и создало идею міровой священной римской имперіи. Новое время создало національныя государства и этимъ разрушило теократическую идею. Священное византійское царство и священное русское царство заключали въ себѣ потенцію вселенскости. Царь, какъ церковный чинъ, обладающій церковной властью, не можетъ быть только національнымъ царемъ. Константинъ Великій и былъ вселенскимъ царемъ. И если власть русскаго царя имѣла исключительное значеніе для Православной Церкви, то она въ потенціи мыслилась вселенской властью. Безъ этой вселенскости православный царь имѣетъ не больше значенія, чѣмъ англійскій король въ англиканской церкви. Теократія есть такая же универсалистическая утопія, какъ и коммунизмъ.

Теократія стремится къ обнаруженію и утверженію святой исторической плоти въ царствѣ кесаря, къ святой тѣлесности. Такъ безконечный духъ хотятъ заключить въ конечную плоть, хотятъ поработить безконечное конечному. Царство Божіе дѣлается подобнымъ царству міра сего. И трудно согласовать историческія теократіи съ евангельскими словами: «Князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими; но, между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою». Этимъ утверждается радикальная несоизмѣримость и несходство между Царствомъ Божіимъ и царствомъ кесаря. Существо же теократіи въ утверженіи соизмѣрности и сходства, доходящихъ до тождества. И условный символизмъ есть путь утверженія такого рода соизмѣрности и сходства. Два соблазна связано въ исторіи христіанства съ теократическимъ государствомъ, два уклона и срыва — папоцезаризмъ и цезарепапизмъ. Въ чистомъ и окончательномъ видѣ эти два соблазна никогда не торжествовали въ христіанскомъ мірѣ — и католичество и православіе всегда были безмѣрно глубже и шире этихъ двухъ уклоновъ. И всетаки въ историческую плоть католичества и историческую плоть православія глубоко вкоренились начала папоцезаризма и цезарепапизма. Великое преимущество православія въ томъ, что цезарепапизмъ никогда не былъ предметомъ догматизированія церкви, въ то время какъ папоцезаризмъ былъ предметомъ такого рода догматизированія въ католичествѣ. Но въ восточной, православной, византійской и

*) Папизмъ прибрѣлъ такое исключительное значеніе на Западѣ потому, что Римской Церкви долгое время пришлось замѣнять государство и нести государственныя функціи.

русской теократіи уклонъ къ цезарепапизму фактически игралъ большую роль въ жизни Церкви. И потому русская революція является огромной, не оцѣненной еще по глубинѣ своихъ послѣдствій катастрофой въ Православной Церкви, внутреннимъ, а не только внѣшнимъ переворотомъ. Хомяковъ съ негодованіемъ отвергалъ обвиненіе русской церкви въ цезарепапизмъ. Въ абсолютномъ и окончательномъ смыслѣ онъ былъ правъ. Но онъ преуменьшилъ историческую важность и тревожность этого вопроса. Не случайно въ царствованіе Павла I вкралось въ наши основные законы наименованіе царя главой Церкви*). Такое сознаніе не можетъ быть догматически оправдано и не можетъ быть согласовано съ природой Православной Церкви, но оно есть естественное порожденіе историческихъ теократій. Православная Церковь не знаетъ видимаго главы, единымъ главой своимъ она признаетъ лишь Христа. Но когда царство кесаря признается священнымъ царствомъ, когда въ немъ видятъ отображеніе Царства Божьяго на землѣ, тогда стремленіе къ единству и цѣлостности въ жизни церкви толкаетъ на путь признанія единого видимаго главы. Цезарепапизмъ есть послѣдній предѣлъ константиновской эпохи въ христіанствѣ. Въ немъ историческое пониманіе христіанства окончательно заслоняетъ эсхатологическое его пониманіе. Царство Божье не ищется, не достигается реально, а лишь ознаменовывается, символизуется въ царствѣ кесаря. Это есть историческая подмѣна апокалиптическихъ пророчествъ о Царствѣ Божіемъ,—въ ней царство кесаря замѣняетъ Царство Божіе. Въ католическомъ сознаніи Царство Божье окончательно отождествилось съ исторической жизнью Церкви и отъ этого угасало эсхатологическое исканіе Царства Божьяго. Но самое радикальное отверженіе цезарепапизма и папоцезаризма, какъ религіозныхъ соблазновъ, не означаетъ отрицанія положительнаго значенія монархіи и значенія папства въ исторіи христіанскихъ народовъ. Монархія въ прошломъ играла положительную, творческую, нерѣдко прогрессивную, а иногда даже и революціонную роль въ русской исторіи. Допустимъ даже, что монархія, въ новой формѣ, и еще будетъ призвана сыграть положительную роль въ возрожденіи Россіи. Но это нисколько не рѣшаетъ религіознаго вопроса о теократической монархіи. Старая, священная русская монархія не можетъ возродиться. Монархія есть природно-историческій фактъ въ развитіи народовъ и въ этомъ своемъ качествѣ должна быть оцѣнена, она цѣликомъ принадлежитъ міру сему, царству кесаря и черты ея не переносимы на Царство Божье. Хомяковъ и славянофилы обосновывали самодержавную монархію національно-исторически, а не религіозно-мистически, и имъ въ сущности чужда была юдаистическая теократическая идея. Монархическія государства тѣмъ отличались отъ государствъ демократическихъ, что въ основѣ ихъ обычно лежали начала, обращенныя и къ иному

*) К. П. Побѣдоносцевъ считалъ это результатомъ невѣжества.

міру, а не земной эвдемонизмъ. Поэтому монархія была релігійознѣ демократій.*) Исключеніе составляютъ лишь демократіи кальвинистическія. Но это не значитъ, что релігійозно оправданная монархія были дѣйствительными теократіями. Да и возможна ли теократія въ христіанскомъ мірѣ, теократія новозавѣтная? Теократическая идея есть идея ветхозавѣтная, древне-еврейская. Примѣнима-ли къ Богу съ христіанской точки зрѣнія категория власти, не вѣрнѣ ли тутъ подходитъ путемъ негативной теологіи? Христіанская теократія есть лишь обозначеніе, означеніе Царства Божьяго, а реально Царство Божье есть преображеніе міра. Христіанская теократія знаетъ лишь одного Царя — Христа. А это значитъ, что теократія въ христіанствѣ означаетъ ложное перенесеніе ветхозавѣтно-еврейскихъ категорій на христіанскую жизнь. И достигается этимъ лишь оправданіе природнаго языческаго царства**).

IV

Вопросъ объ отношеніи между христіанствомъ и монархіей есть вопросъ исторической и ставитъ его нужно динамически. И то, что свойственно извѣстной исторической эпохѣ въ христіанствѣ, нельзя признать истиной догматической. Монархія разлагаются и падаютъ, какъ и все земное, природное. Церковь же пребудетъ нерушимо до конца временъ и врата адовы не одолѣвають ее. Царство кесаря принадлежитъ времени. Царство Божье принадлежитъ вѣчности. Христіанство можетъ существовать въ самыхъ разнообразныхъ историческихъ условіяхъ. И нельзя признать существенно принадлежащимъ природѣ Церкви то, что является исторически переходящимъ и непрочнымъ. Крайніе сторонники неразрывной связи между православіемъ и самодержавіемъ, для которыхъ власть самодержца священна и церковна, готовы признать въ помазаніи царя на царство восьмое таинство***). И нужно сказать, что чинъ вѣнчанія на царство даетъ основаніе для такого мнѣнія. При миропомазаніи царя произносятся слова: — «печать дара Духа Святого». Является соблазнъ признать, что царь получаетъ особаго рода харизмы, особаго рода благодать на царствованіе, что царствованіе есть церковное служеніе совершенно аналогичное

*) Средневѣковое сознаніе никогда не признавало абсолютности государства и абсолютности монархической власти. Лишь новое время вернулось въ этомъ отношеніи къ язычески-античнымъ началамъ. Средневѣковыя ученія ставили естественное право выше государства, подчиняли государство справедливости и признавали право сопротивленія власти, нарушившей правду. См. интересную книгу Otto von Dierke «Das deutsche Genossenschaftsrecht» (отдѣлъ „Die publizistischen Lehren des Mittelalters“).

**) Интересную и вѣрную критику теократіи можно найти у Кн. Е. Н. Трубецкого въ его «Міросозерцаніе Вл. Соловьева».

***) См. книгу М. Зызыкина «Царская власть и законъ о престолонаслѣдїи въ Россіи» 1924 г.

священству*). Помазаніе царя вводитъ царство кесаря въ Царство Божье. Языческій кесарь, всѣ истоки свои имѣющій въ языческомъ мірѣ, получаетъ помазаніе и дѣлается православнымъ царемъ. Въ православномъ царѣ видятъ теофанію. Какъ это могло случиться? Церковь ничего въ жизни не можетъ оставлять не освященнымъ, она освящаетъ всю человѣческую жизнь отъ рожденія до смерти, весь бытъ человѣческой, освящаетъ и государственную власть. Но въ жизни Церкви, главнымъ образомъ Православной Церкви (на Западѣ было иначе), случился моментъ, когда она не ограничилась уже признаніемъ религіознаго смысла власти и символическимъ освященіемъ государства, когда она увидѣла въ православномъ царѣ какъ-бы явленіе святой плоти, выраженіе Царства Божьяго на землѣ. Это уже былъ большой историческій соблазнъ церковнаго человѣчества, смѣшеніе Царства Божьяго съ царствомъ кесаря. Роковой фактъ раздѣленія церковей, который былъ величайшей неудачей христіанства въ исторіи, способствовалъ укрѣпленію двухъ уклоновъ и соблазновъ, на Востокѣ цезарепапизма, на Западѣ папоцезаризма. Можно даже сдѣлать предположеніе, что если бы не было раздѣленія церковей, то никогда не достигла бы такихъ размѣровъ на Востокѣ императорская теократія и на Западѣ теократія папская. Но теократіямъ этимъ не суждено было вѣчное историческое существованіе. Папа остался и даже провозглашена была въ XIX вѣкѣ его непогрѣшимость въ дѣлахъ вѣры, но папа потерялъ власть надъ міромъ, надъ мірскими государствами, онъ пересталъ быть монархомъ. Папской теократіи больше не существуетъ. Западный міръ секуляризировался и католическая церковь существуетъ внѣшне, какъ одна изъ организацій наряду съ другими организаціями въ западныхъ государствахъ. Въ лучшемъ случаѣ церковь прибѣгаетъ къ конкордатамъ, въ худшемъ она еле терпитъ и даже преслѣдуется атеистическими правительствами. Византійское теократическое царство пало давно. Греческая церковь рядъ столѣтій существовала подъ турками. Наконецъ разрушилась и величайшая изъ теократій Востока — священное русское царство. И пало оно не только отъ внѣшнихъ ударовъ, но и отъ внутренняго разложенія. Паденіе въ немъ эстетическаго стиля было предвѣстникомъ разложенія. Теократіи перестали символизировать духовное состояніе народовъ, перестали отражать религіозныя вѣрованія народовъ. Единство и цѣльность народныхъ вѣрованій кончились, началось время раздѣленія. Насильственно нельзя удержать старыхъ началъ. Старая символика перестала быть священной, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Революція и есть измѣненіе символики внутренней жизни народовъ. Монархіи на западѣ или перестали существовать или потеряли всякое реальное значеніе (Англія, Италія). Къ политическимъ формамъ все болѣе и болѣе теряется интересъ. Въ Россіи монархія уже со временъ Петра Великаго стала гуманистической и секуляризовалась все

*) Такъ думалъ Вл. Соловьевъ, когда строилъ свою концепцію теократіи.

болѣе и болѣе. Подчиненіе церкви государству, образование синодального строя и было процессомъ секуляризаціи русскаго государства и приближеніемъ къ типу западнаго просвѣщеннаго абсолютизма*). Славянофилы давно уже утверждали, что въ Петербургскій періодъ русской исторіи не существуетъ въ Россіи самодержавія, а существуетъ абсолютизмъ съ крайне развитой бюрократіей. Абсолютизмъ же по славянофильскому сознанію не есть русская и православная форма государственной власти, а есть лишь развитіе языческо-римской имперіалистической идеи. Также противопоставляетъ самодержавіе абсолютизму и Л. Тихоміровъ въ своей книгѣ «Монархическая Государственность», которая несправедливо замалчивалась и которую нужно признать лучшимъ обоснованіемъ идеи самодержавной монархіи**).

Въ чемъ же сущность религіозной идеи самодержавія и чѣмъ она отличается отъ абсолютизма? Согласно идеологіи самодержавія власть царя делегирована не народомъ, а Богомъ. Не существуетъ права на власть, а существуетъ лишь обязанность власти. Власть царя совсѣмъ не есть абсолютная, неограниченная власть. Она самодержавна потому, что она не имѣетъ своимъ источникомъ воли народа и не ограничена народомъ. Но она ограничена Церковью и христіанской правдой, духовно подчинена Церкви, она есть служеніе не своей волѣ, а волѣ Божьей. Царь не долженъ имѣть своей воли, онъ долженъ служить волѣ Божьей. Царь и народъ связаны между собой одной и той же вѣрой, однимъ и тѣмъ же подчиненіемъ Церкви и Божьей правдѣ. Самодержавіе предполагаетъ широкой народный социальный базисъ, живущій самостоятельной жизнью, оно не означаетъ подавленія народной жизни. Самодержавіе оправдано въ томъ лишь случаѣ, если существуютъ у народа вѣрованія, санкціонирующія власть царя. Оно не можетъ быть внѣшнимъ насиліемъ надъ народомъ. Царь самодержавенъ въ томъ лишь случаѣ, если онъ подлинно православный царь. Недостаточное православіе Петра Великаго, его уклонъ къ протестантизму сдѣлали его абсолютнымъ, а не самодержавнымъ монархомъ. Абсолютная монархія есть порожденіе гуманизма. Въ абсолютизмѣ, въ имперіализмѣ царь делегированъ народомъ, верховная власть не принадлежитъ царю, хотя и принадлежитъ ему абсолютная, неограниченная власть управленія. Но народъ можетъ и отнять отъ царя власть. Такова идея абсолютной монархіи, выработанная на Западѣ***). Въ абсолютизмѣ царь не является слугой церкви. Подчиненіе церкви государству является харак-

*) Много интереснаго въ этомъ отношеніи можно найти въ изслѣдованіи П. Верховскаго «Учрежденіе духовной коллегіи и духовный регламентъ».

**) Книга «Монархическая государственность» переиздана за границей и пользуется, повидимому, большою популярностью въ правыхъ монархическихъ кругахъ. Нужно только сказать, что для дворянско-бюрократической реакціи идеи Л. Тихомірова не подходятъ, т. к. монархизмъ его носитъ рѣзко народнической и въ социальномъ отношеніи демократической характеръ. Тихоміровъ противникъ бюрократическаго абсолютизма.

***) Въ дѣйствительности и на Западѣ монархія признавалась священной и король Франціи признавался христіаннѣйшимъ королемъ.

тернымъ признакомъ абсолютной монархіи. Такъ было и съ католической церковью при Людовикѣ XIV. Абсолютизмъ всегда также развиваетъ бюрократію и подавляетъ соціальную жизнь народа. Въ наиболѣе чистомъ видѣ идея религіознаго обоснованія самодержавія выражена у насъ Л. Тихомировымъ. Хомяковъ и славянофилы смотрѣли иначе. Для нихъ верховная власть принадлежала народу, но народъ отказался отъ власти, чтобы посвятить себя духовной жизни, и возложилъ на царя бремя царствованія, оставивъ себѣ лишь думу, лишь мнѣніе. Но существовало-ли когда-либо въ исторіи религіозное самодержавіе въ чистомъ, идеальномъ видѣ? Самъ Л. Тихомировъ принужденъ признать, что нѣтъ. Въ Византіи религіозная идея самодержавія всегда была искажена языческо-римскимъ абсолютизмомъ и въ ней императорская власть не имѣла народнаго соціального базиса. Весь Петербургскій періодъ русской исторіи есть торжество абсолютизма и бюрократизма, подавленіе самостоятельности Церкви и самостоятельности народной жизни. Наиболѣе близка къ религіозной идеѣ самодержавія была допетровская Русь. Но и тамъ нельзя найти тѣхъ чертъ, которыми обрисовывается религіозная идея самодержавія. Іоаннъ Грозный былъ самымъ выдающимся и послѣдовательнымъ выразителемъ русской идеи самодержавія, но это какъ разъ и вызываетъ безпокойство и сомнѣніе. На Западѣ же окончательно не было ничего похожаго на самодержавіе, да и не могло родиться на католической почвѣ. Тамъ была борьба духовной и свѣтской власти. Ясно, что религіозная, православная идея самодержавія, священной монархіи, есть чистѣйшая утопія совершеннаго, идеальнаго государственнаго и соціального строя, такая же утопія, какъ папская теократія, какъ совершенный, идеальный соціалистическій строй. Прекрасная утопія, можетъ быть лучшая изъ утопій! Но фактически самодержавіе всегда превращалось въ абсолютизмъ и было абсолютизмомъ. И Византія и Россія, двѣ великія православныя монархіи, не являли собой типовъ религіознаго самодержавія. Имперіализмъ торжествуетъ во всякой большой монархіи, онъ есть рокъ монархій, который влечетъ ихъ къ величію и гибели. Отъ языческой имперіалистической идеи ни одна монархія не можетъ освободиться, потому что монархія по природѣ своей языческаго происхожденія. Лишь на краткій мигъ монархія становится православной и затѣмъ быстро развиваетъ въ себѣ языческое начало міродержавія, земнаго царства кесаря.

Мы приходимъ къ выводу, который можетъ показаться парадоксальнымъ. Обыкновенно привыкли защищать самодержавіе и монархію тѣмъ, что человѣческая природа грѣховна и что грѣховной природѣ болѣе свойственна монархическая форма правленія, чѣмъ демократическая. Демократію, соціализмъ и пр. защищали тѣ, которые не вѣрили въ первородный грѣхъ. Но сейчасъ это положеніе можно обернуть. Именно потому, что человѣческая природа грѣховна, она вполне можетъ осуществить демократическій и соціалистическій строй, онъ можетъ быть выраженіемъ этой грѣховности. Демократія менѣе всего предполагаетъ совершенство человѣческой природы, она создана для несовершеннаго и грѣховнаго состоянія. Самодержавная же

монархія превращается въ утопію совершеннаго, безгрѣшнаго состоянія. Религіозная самодержавная монархія по своему есть очень высокая идея, но вполнѣ утопическая, предполагающая такое состояніе народовъ, которое врядъ ли достижимо въ нашемъ грѣшномъ мірѣ. О самодержавіи теперь мечтаютъ и будутъ мечтать такъ, какъ раньше мечтали о социализмѣ. Но нѣтъ никакихъ основаній вѣрить въ то, что народы идутъ къ духовному состоянію, способному породить религіозное самодержавіе, предполагающее исключительную духовную цѣлостность и единство вѣры. Міръ идетъ къ раздѣленію, и оно предсказано христіанскими пророчествами. Не только для будущаго, но и для прошлаго религіозная самодержавная монархія была утопіей, реально же возможна была лишь абсолютная монархія, въ большей или меньшей степени подчиненная православію. Самодержавіе никогда не было и никогда не будетъ. Это — утопическая, мечтательная идея, основанная на смѣшеніи царства кесаря съ Царствомъ Божьимъ. Восьмого таинства помазанія царя на царство догматическое сознаніе Церкви не знаетъ, оно цѣликомъ относится къ исторической, а не мистической сторонѣ Церкви. Да и не можетъ быть таинствомъ церкви то, что имѣетъ природу національно-русскую, партикуляристическую, а не универсальную. Всякое примѣненіе категорій Царства Божьяго къ природно-историческому царству кесаря есть утопія или романтика. Въ такого рода построеніяхъ отсутствуетъ религіозный реализмъ, трезвое видѣніе дѣйствительности. Религіозное самодержавіе невозможно, потому что вообще невозможенъ совершенный общественный строй въ грѣховномъ мірѣ, потому что въ относительномъ невозможно абсолютное. И въ идеѣ религіознаго самодержавія есть недостатокъ смиренія, гордыня, превращеніе «кесарева» въ «Божье» земного въ небесное, относительнаго въ абсолютное, природнаго въ духовное. Идея эта мѣшаетъ искать Царства Божьяго, мѣшаетъ идти по пути реального преображенія жизни. Теократическая утопія есть источникъ всѣхъ социальныхъ утопій.

V.

Христіанство не имѣетъ обязательной, въ догматическомъ сознаніи обоснованной связи съ монархіей или съ другой какой-либо формой политическаго строя. Монархія можетъ быть христіанской и можетъ быть антихристіанской по своему духу. Республика можетъ быть антихристіанской и можетъ быть христіанской по духу. Все опредѣляется не формальными признаками, а духовнымъ содержаніемъ. Мы уже не можемъ вѣрить въ абсолютное значеніе юридическихъ и политическихъ формъ. Мы выходимъ изъ эпохи абсолютизированной формалистики. Спасенія нельзя искать въ формахъ, спасеніе лишь въ духовномъ содержаніи жизни. И кризисъ, который совершается въ Россіи и въ мірѣ, не есть кризисъ какой-либо политической формы, это есть кризисъ всякой политической формы, демократіи въ такой же мѣрѣ, какъ и

монархіи. И мѣсто, которое займетъ христіанство въ жизни, опредѣлится духовнымъ содержаніемъ жизни, а не политическими формами, не внѣшнимъ строемъ жизни. Паденіе кумировъ и идоловъ, какъ имперіалистическихъ такъ и социалистическихъ очень благопріятно для христіанства. Христіанство, особенно русское христіанство, возвращается къ состоянію до Константина Великаго. Въ Россіи, въ православіи этотъ кризисъ катастрофиченъ, на Западѣ, въ католичествѣ онъ эволюціоненъ и постепененъ. Мы присутствуемъ при ликвидаціи всего послѣконстантиновскаго періода христіанской исторіи. Тѣ отношенія, которыя сложились между Церковью и государствомъ, между христіанствомъ и міромъ послѣ Константина Великаго, — не вѣчныя и не абсолютныя отношенія. Это временныя и преходящія отношенія. Христіанство можетъ вступить въ совершенно новый періодъ, въ третій періодъ, и оно уже вступило въ него. Это необходимо до конца сознать. Кончился періодъ символическаго освященія государственной власти. Внѣшне-принудительное и условно-символическое единство христіанскаго міра распалось, оно распалось изнутри и это выразилось во внѣ въ процессахъ секуляризаціи и въ революціяхъ. Міръ раздѣлился. Принудительное осуществленіе Царства Божьяго въ Царствѣ кесаря оказалось невозможнымъ. Царство кесаря живетъ по своему закону. И этотъ катастрофическій процессъ, зачинающій новую эпоху, не только горестенъ для Церкви Христовой, но и радостенъ, Христіанство теряетъ въ количествѣ, но выигрываетъ въ качествѣ. Торжествуетъ правдивость и искренность, поражена ложь и неискренность. Въ Россіи началось гоненіе на Церковь со стороны безбожнаго, антихристіанскаго государства, но кончилось порабоженіе Церкви государствомъ, плѣненіе Церкви, которое довело ее до состоянія, о которомъ Достоевскій сказалъ, что Церковь со временъ Петра въ параличѣ. Ложное и дурное покровительство, официальное господствующее положеніе для Церкви страшнѣе, чѣмъ гоненія. Гоненіями нельзя испугать христіанъ, въ нихъ выковывается религіозная сила, но официальнымъ покровительствомъ, лишаящимъ Церковь самостоятельности, можно усыпить и парализовать энергію христіанъ. И все-таки мы принуждены признать, если мы будемъ религіозно глядѣть на совершающуюся катастрофу, что Церковь не только пассивно претерпѣваетъ удары извнѣ, со стороны революціи, но что въ самой Церкви происходятъ духовныя измѣненія, переходъ въ иную историческую эпоху. И возврата къ старой эпохѣ, къ старымъ отношеніямъ Церкви и государства, къ старому освященію царства кесаря, не можетъ быть и его нельзя желать. Нужно смотрѣть впередъ, а не назадъ. Церковь Христова вновь становится передъ бушующими стихіями міра, вновь встрѣчается съ враждебнымъ царствомъ кесаря. Но внутренне все уже иное, чѣмъ до Константина, въ первые вѣка христіанства. Христіанству противостоитъ не дохристіанскій, языческій міръ, а въ значительной своей части міръ антихристіанскій, раскрывающій въ себѣ начала враждебныя Христу. И преслѣдованія со сторо-

ны міра антихристіанскаго болѣе страшны, чѣмъ преслѣдованія со стороны міра дохристіанскаго. Царство кесаря внутренно раздѣлилось. Въ мірѣ нѣтъ мира. Мечъ разсѣкаетъ міръ. Кончился періодъ смѣшаннаго состоянія, внѣшняго единства или кажущейся нейтральности. Мы переходимъ къ реальностямъ, къ первореальностямъ жизни и должны все называть своими именами. Нельзя уже называть христіанскимъ то, что ничего христіанскаго въ себѣ не заключаетъ. Міръ реально раздѣляется на Христово и антихристово царство. Власть до конца временъ будетъ имѣть положительную миссію и Церковь будетъ освящать начало власти. Но будетъ-ли власть находиться въ рукахъ христіанъ, это болѣе чѣмъ проблематично. Да и можетъ ли христіанская власть поддерживать единство міра, который раздѣлился на два царства и въ которомъ количественно преобладаетъ и, вѣроятно, будетъ преобладать царство антихристіанское. Царство кесаря лишь до времени соглашалось признавать себя христіанскимъ. Но оно не стало христіанскимъ въ своихъ наиреальнѣйшихъ, онтологическихъ корняхъ и основахъ, оно осталось языческимъ, природнымъ царствомъ, воспріимчивымъ къ антихристіанскимъ вѣяніямъ и воздѣйствіямъ. И въ старомъ христіанскомъ, теократическомъ царствѣ кесаря могущественно пробивались антихристіанскія начала, похоть власти царства міра сего. Нынѣ въ царствѣ кесаря начала эти окончательно торжествуютъ. Священныя, крѣпкія монархіи могли существовать лишь до тѣхъ поръ, пока природное царство кесаря оставалось еще нейтральнымъ, пока въ немъ не произошло его раздѣленіе и раскрытіе началъ антихристіанскихъ. Но когда это произошло, то священная монархія дѣлается утопіей. И трагическимъ становится положеніе христіанства передъ лицомъ бушующихъ міровыхъ стихій: оно не можетъ быть цѣликомъ ни съ «правымъ» лагеремъ, ни съ «лѣвымъ» лагеремъ, ни со среднимъ лагеремъ, ибо во всѣхъ этихъ лагеряхъ одинаково можетъ торжествовать безбожное царство кесаря. Христіане могутъ и должны воздавать кесарево кесарю, но Божьяго не могутъ воздавать кесарю, въ какомъ бы обличьи кесарь не явился. Въ этомъ смыслѣ событій нашего времени.

Въ новый историческій періодъ, въ поздній часъ исторіи христіане должны вступить на путь реального, а не символическаго осуществленія христіанства въ жизни, осуществленія правды Христовой. Царство Божіе создается въ каждое мгновеніе нашей жизни. Правда Христова можетъ и должна быть осуществляема при всѣхъ историческихъ условіяхъ, во всякой обстановкѣ. Условными христіанскими знаками и печатями мы не можемъ уже довольствоваться. Во внѣ должно быть то же, что и внутри. Мы окончательно вступили въ періодъ жизни, когда должны быть обнаружены реальности и когда лишь реальности насъ интересуютъ. Мы хотимъ стать лицомъ къ лицу передъ послѣдними реальностями. Онтологическая искренность и правдивость должна быть нашимъ пафосомъ. Если мы христіане, то мы не можемъ не хотѣть, чтобы общество было максимально христіанскимъ, но реально христіанскимъ, а не призрачно христіанскимъ. Въ христіанствѣ вѣчно остается эсхатологи-

ческое упованіе, въ немъ не можетъ прейти исканіе Царства Божьяго, которое должно побѣдить міръ. Смыслъ наступающей эпохи въ христіанствѣ въ томъ и заключается, что въ ней христіанство вновь будетъ эсхатологично, а не исключительно исторично. И идея Царства Божьяго должна быть эсхатологически, а не исторически истолкована. Это и подготовлялось въ русской религіозной мысли. Наша эпоха имѣетъ внѣшнее, формальное сходство съ первыми вѣками христіанства, но внутренно матеріально все уже иное, все безконечно сложнѣе и труднѣе. Исторія не прошла даромъ. Царство Божье не осуществимо и невмѣстимо ни въ нашей исторической плоти, ни въ нашемъ пространствѣ и времени, оно ни тамъ и не здѣсь, оно не имѣетъ внѣшне зримыхъ признаковъ, оно не можетъ быть создано никакой исторической эволюціей и не можетъ быть укрѣплено никакимъ охраненіемъ, оно также не въ «правомъ», какъ и не въ «лѣвомъ», въ немъ также нѣтъ ничего «реакціоннаго», какъ нѣтъ и ничего «революціоннаго». Лишь въ концѣ временъ, въ чудесномъ преображеніи міра можетъ быть вполнѣ явлено Царство Божье, оно впереди, но оно также и въ вѣчности, оно непримѣтно приходитъ и въ каждое мгновеніе должно нами активно осуществляться. Къ Царству Божьему непримѣнимы никакія категоріи, взятая изъ царства кесаря, оно не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ царствомъ кесаря, въ немъ все иное и все по иному. Царство Божье ничего общаго не имѣетъ съ родовымъ строемъ жизни, на которомъ основаны всѣ монархіи. Царство Божье не есть символическое освященіе царства кесаря, но оно не есть и историческая жизнь церкви, какъ думаютъ католики вслѣдъ за Бл. Августиномъ, — въ Царствѣ Божьемъ Богъ есть всяческая во всемъ, оно есть реальное, а не символическое царство. И оно начинается во всемъ, что достигаетъ подлинной онтологической реальности, что находитъ себя въ Богѣ. Царство Божье не можетъ быть создано одной человѣческой активностью, но оно не можетъ быть создано и безъ человѣческой активности.

VI

Можетъ ли идея священной, христіанской монархіи, идея христіанскаго, православнаго царя, какъ помазанника Божьяго, быть перенесена изъ перспективы исторической въ перспективу эсхатологическую? Эсхатологическая идея христіанскаго царя и христіанскаго царства есть послѣднее прибѣжище утопіи, послѣдняя попытка перенести царство кесаря въ Царство Божье. Монархія цѣликомъ принадлежитъ историческому пути, она связана съ дѣйствиемъ христіанства въ природно-историческомъ мірѣ. Монархіи имѣли положительное призваніе въ историческихъ судьбахъ христіанскихъ народовъ и онѣ имѣли свои преимущества передъ демократіями, которыя фиктивны и переходны по своей природѣ. Можно и сейчасъ желать на историческомъ пути монархіи и новаго типа соціальныя монархіи могутъ еще явить-

ся*). Но идея христіанскаго царя цѣликомъ есть историческая, а не эсхатологическая категория, она цѣликомъ принадлежитъ символическому царству кесаря, а не реальному Царству Божью. Въ Царствѣ Божьемъ, которое есть преображеніе міра, никакого царства кесаря не будетъ. Царство кесаря существуетъ лишь въ природномъ, не преобразенномъ мірѣ. Къ Царству Божьему не примѣнимы тѣ категории власти, которыя почерпнуты цѣликомъ изъ природнаго царства кесаря. Въ немъ все иное, не похожее на нашъ міръ и его законы. Теократической, священной самодержавной монархіи уже въ мірѣ никогда болѣе не будетъ. Священное русское царство было послѣднимъ ея типомъ. Этотъ періодъ въ исторіи христіанства безвозвратно конченъ. И мечта о его возвратѣ есть вредная утопическая и романтическая мечта, есть нежеланіе или неспособность стать передъ послѣдними религіозными реальностями. Церковь знаетъ только одного жениха — Христа. Царство Божье знаетъ только одного царя — Христа. Эсхатологическая идея царства есть идея царства Христова, непосредственнаго царства самого Христа, царя и первосвященника. Въ христіанствѣ скрыто упованіе на всеобщее царственное священство. Апостоль Петръ говоритъ: «Вы — родъ избранный, царственное священство». Св. Макарій Египетскій говоритъ о помазаніи на царство всѣхъ христіанъ: «Какъ при пророкахъ всего досточестнѣе было помазаніе; потому что помазаемы были цари и пророки: такъ и нынѣ люди духовные, помазуемые небеснымъ помазаніемъ, дѣлаются христіанами по благодати, чтобы имъ быть царями и пророками небесныхъ тайнъ**»). «Познай же свое благородство, а именно, что призванъ ты въ царское достоинство***). Царство Божье и будетъ всеобщимъ царственнымъ священствомъ. Это менѣе всего означаетъ отрицаніе значенія іерархическаго начала въ историческомъ пути, какъ того хотятъ разнаго рода секты. Ко всеобщему царственному священству можно идти лишь іерархическимъ церковнымъ путемъ. Да и самое Царство Божье — іерархично. И всеобщее царственное священство не есть отрицаніе іерархическаго строя бытія. Но эсхатологическая идея царственнаго священства противоположна теократической идеѣ царя. Христіанскій царь нуженъ былъ въ историческомъ пути не потому, что этимъ осуществлялось Христово Царство, а именно потому, что Царство Христово не осуществлялось, онъ нуженъ былъ въ мѣру неосуществленности Царства Христова. Таково вѣдь и библейское пониманіе происхожденія царской власти. Эсхатологическая, апокалиптическая эпоха будетъ связана съ такими манифестаціями Св. Духа, о которыхъ мы ничего не можемъ говорить и ничего не можемъ знать. Мы знаемъ только, что на эту эпоху не переносимы категории нашего историческаго бытія, къ ней не

*) Старыя родовыя монархіи не могутъ уже возродиться. Монархъ можетъ быть лишь чѣмъ-то въ родѣ президента республики съ сильной и независимой властью.

***) См. «Преподобнаго Отца нашего Макарія Египетскаго духовныя бесѣды, посланія и слова». стр. 148.

***) Тамъ же стр. 209.

примѣнимы понятія, взятыя изъ царства кесаря. Мы принуждены сознать, что въ церковномъ сознаниі это не раскрыто до конца. Движеніе къ Царству Божьему, къ второму пришествію Христа означаетъ эпоху пневматическую, духоносную.

Третій періодъ въ исторіи христіанства будетъ стоять подъ знакомъ обострившейся религіозной борьбы, столкновенія христіанскихъ и антихристіанскихъ началъ. Въ этотъ періодъ возможно христіанское возрожденіе, качественное усиленіе христіанства. Но съ трудомъ можно представить себѣ воссозданіе вѣроисповѣднаго христіанскаго государства въ старомъ смыслѣ слова. Христіанская Церковь окончательно должна перестать полагаться на государственную власть и должна развивать свою собственную энергію изнутри. Внутри Церкви будетъ слагаться подлинно христіанское общеніе людей, соціальное братство во Христѣ, котораго въ «христіанскомъ государствѣ» не было. Въ этотъ періодъ перестанутъ придавать то исключительное значеніе государственной власти и политикѣ, какое придавали въ предшествующій періодъ. Люди будутъ соединяться по признакамъ религіознымъ, внутренне духовнымъ, а не внѣшнимъ, политическимъ признакамъ. Различіе между добромъ и зломъ въ людяхъ не имѣетъ почти никакого отношенія къ политическимъ направленіямъ людей. Нравственно оцѣнивать людей въ зависимости отъ того, «правые» ли они или «лѣвые» есть величайшее духовное извращеніе. «Правость» или «лѣвость», монархизмъ или республиканизмъ суть совершенно ничтожныя и жалкія вещи, вещи третъестепенныя передъ лицомъ Божьимъ, передъ подлинной духовной жизнью. Люди бываютъ духовно близки и соединены или далеки и раздѣлены совсѣмъ не потому, что они «правые» или «лѣвые», что они за монархію или за республику, совсѣмъ не въ этой внѣшней области опредѣляются отношенія людей. Врядъ ли можно предположить и еще менѣе можно желать, что вновь будетъ вовать къ осуществленію дѣла Христова въ мірѣ, Царства Божьяго насильственными методами царства кесаря. Это смѣшеніе невозможно уже будетъ въ грядущій періодъ христіанства. И если будетъ насильственное вѣроисповѣдное государство, то это будетъ государство социалистическое или коммунистическое, основанное на обратной атеистической религіи, государство, которое будетъ гнать христіанъ и Христову Церковь. Въ русскомъ коммунизмѣ данъ первый примѣръ такого сатанократическаго государства. Церковь Христова въ мірѣ семъ всегда была и будетъ угнетаема, — или ложнымъ покровительствомъ, обращающимъ ее въ орудіе государственныхъ, кесарскихъ цѣлей, или гоненіемъ. Третій періодъ христіанской исторіи принесетъ съ собой окончательное освобожденіе христіанства отъ соблазновъ языческаго, римскаго имперіализма, отъ утопической мечты о вселенской власти царя или папы, т. е. отъ идеи принудительнаго, количественнаго универсализма. Христіанскій міръ освобождается отъ этихъ языческихъ и антихристіанскихъ соблазновъ, очищается, дѣлается болѣе духовнымъ и углубленнымъ. Притязанія принудительнаго количественнаго универсализма окончательно переходятъ къ коммунизму, къ безбожному

царству кесаря. Коммунизмъ окажется наслѣдіемъ принудительной теократіи, онъ осуществитъ утопію. Христіанскій же міръ окончательно устремится къ Царству Божьему, которое не отъ міра сего и которое приходитъ непримѣтно. Но то, что «не отъ міра сего», можетъ быть явлено въ мірѣ семъ и должно быть явлено. Новая эпоха въ христіанствѣ означаетъ переходъ отъ символическихъ ознаменованій Христовой правды и Христова Царства въ царствѣ кесаря къ реальному преображенію, къ реальному осуществленію Христовой правды и Христова Царства, не претендующаго на внѣшнее господство. Старое «христіанское государство» даже не пыталось осуществлять христіанство въ соціальной жизни. Освобожденіе отъ языческихъ соблазновъ, отъ обожествленія кесарева начала будетъ способствовать сближенію восточнаго и западнаго христіанскаго міра. Ихъ раздѣляли главнымъ образомъ соблазны царства кесаря. Въ царствѣ Христовомъ, въ Царствѣ Божьемъ не можетъ быть раздѣленія. Раздѣленіе произошло въ царствѣ кесаря, принятомъ за священное, Божье Царство. Мы должны признать, что совершается не только внѣшняя, политическая, соціальная революція, но что совершается и внутренній, духовный переворотъ, открывающій новый періодъ христіанства. Смѣшанное царство, въ которомъ «Божье» и «кесарево» не были достаточно раздѣлены и одно подмѣняло другое, кончается. Христіанское государство и было смѣшаннымъ полухристіанскимъ царствомъ. Полу-христіанство уже невозможно. Начинается время выбора-Христіанство можетъ быть лишь качественной внутренней, духовной силой міра, а не количественной, внѣшней принудительной силой. Христіанство можетъ быть лишь силой реально осуществляющейся правды Христовой. Новое вино вырабатывается въ христіанскомъ мірѣ и его нельзя вливать въ старые мѣха. Въ самомъ «мірѣ» обнаруживаются творческіе религіозные процессы, которые должны быть осознаны, какъ церковные. Но третій періодъ, въ который мы вступаемъ, не есть еще послѣдній періодъ. Мы живемъ великимъ упованіемъ, что настанетъ еще завершительный періодъ, въ которомъ будетъ явлена чудесная сила правды Христовой въ мірѣ, сила воскрешающая къ вѣчной жизни, что Царство Божье придетъ. Церковь не есть еще Царство Божье. Царство Божье непримѣтно приходитъ не только въ видимой оградѣ церкви, но и въ мірѣ, въ жизни соціальной и космической, не осознанной еще какъ жизнь церковная. Въ Царствѣ Божьемъ не будетъ уже ничего похожего на царство кесаря, на нынѣшній порядокъ природнаго міра, оно будетъ реальнымъ преображеніемъ космоса, новымъ небомъ и новой землей.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ.